

ДРЕВНЯЯ
ИСТОРИЯ
народов
юга Восточной
Сибири

3

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
Иркутский государственный университет имени А.А.Жданова

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Выпуск 3

Иркутск

1975

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Иркутского государственного университета имени А.А.Жданова

Третий выпуск сборника "Древняя история народов юга Восточной Сибири" подготовлен сотрудниками лаборатории археологии Иркутского государственного университета при участии геологов Института Земной Коры СО АН СССР и Геологического института АН СССР. Это обусловлено объективной необходимостью совместных комплексных исследований в проблематике "Человек и природная среда в плеистоцене и голоцене". Подобное содружество, как показали первые итоги работ, чрезвычайно полезительно. Поэтому третий выпуск входит в содержание настоящего и будущих сборников новый отдел публикации данных по геологии, стратиграфии, палеонтологии, связанных прямо или косвенно с изучением археологических объектов.

Надеемся, что опубликованные материалы привлекут внимание широкого круга исследователей и прежде всего специалистов, связанных с естественной и социальной историей Восточной Сибири.

Ответственные редакторы Г.И.Медведев, В.В.Свинин
Ответственный за выпуск И.Л.Дежненко

В.В. Свинин, Н.Сэр-Оджав

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ХУННСКОГО ИСКУССТВА МОНГОЛИИ

В июне - июле 1975 г. в соответствии с программой, утвержденной ректоратами Иркутского и Монгольского университетов, группа студентов-историков I курса Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова впервые находилась на снакомительной практике в МНР.

Студенты приняли участие в работе археологического отряда по изучению бронзового и раннего железного века совместной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР (научные руководители доктор исторических наук Н.Сэр-Оджав и кандидат исторических наук В.В. Волков). Для стационарных исследований была избрана группа могильников на правом берегу р. Толы, в 163 км к юго-западу от г. Улан-Батора и в 11 км от Тариат-бригады (перевалочного пункта), в местности Аршант-булук (рис. I). Здесь, у подножья горных склонов долины, было исследовано два могильника. Первый - плиточный, поздней поры бронзового века, состоящий из 120 могил; второй - курганный, хуннского времени, состоящий из 24 кольцевых кладок. Раскопанные могилы оказались ограбленными в древности. Тем не менее, как в плиточном, так и в хуннском могильниках были обнаружены отдельные датирующие предметы.

Особый интерес представляет костяное изделие (сосуд?) из рога изюбра с выгравированными на нем изображениями, которое было найдено в хуннской могиле № 21 (рис. 2, 3).

Предмет находился, предположительно, в области пясяса потребленного. Он был раздавлен и вткнут в землю грабителями. В камеральных условиях, в г. Улан-Баторе удалось склеить лицевую и обратную стороны. Та и другая сильно деформированы и сединить их не удалось. Кроме того, части фрагментов не хватает. Лицевая часть собрана из 55 фрагментов, обратная - из 33 фрагментов.¹ Имеется еще 12 фрагментов, некоторые из них с резными линиями (рисунки), однако они не подходят из-за недостающих частей изделия. Часть фрагментов находилась вместе с обломками костяных обкладок лука за пределами гребя, в грабительском выбросе у северо-восточной стенки могилы. Высота головного изделия - 9 см; ширина верхней части - 5 см; нижней - 9 см; периметр верхнего края - 12 см; периметр нижнего левого отверстия - 9 см; периметр правого отверстия - 8 см. По реставрированным поверхностям изделия восстанавливаются содержание и композиция рисунка. Плоскость, на которой выгравирован рисунок 10 x 12 см.

Рисунок выгравирован (вырезан) каким-то острым тонким инструментом, вероятнее всего лезвием металлического ножа. Толщина линий 0,3-0,1 мм, глубина примерно такая же. Линии проведены неровно: то с глубоким нажимом ножа, хорошо заметные, контрастные, сочные; то с очень слабым, едва заметным.

По верхнему краю изделия (в 3 и 10 мм от края) проведены две горизонтальные линии. Внутреннее пространство между ними заполнено короткими вертикальными линиями, нанесенными на расстоянии 2-4 мм друг от друга. Под этим пояском геометрического линейного орнамента в 1,5 см от верхнего края предмета прошурено сквозное отверстие, диаметром 5 мм. Остальную часть поверхности занимает сцена охоты с собакой на горно-степных животных: козлов и баранов. Животные изображены бегущими влевую сторону. Справа их преследует собака. Несмотря на схематизм и кажущуюся небрежность рисунка, изображение имеет реалистический характер, с подчеркнутыми видовыми различиями животных.

В верхнем левом углу лицевой части изделия глубокими четкими линиями изображен сибирский козерог (горный козел). Тулово его заштриховано косыми перекрестными линиями, тща-

1. Консервация и реставрация предмета выполнены С.А. Панарином и В.Е. Свининым.

тельно выделены большие загнутые рога. Особо подчеркнуты по-перечными штрихами выступающие по переднему краю рога бугры. Форма туловища с коротким торчащим вверх хвостиком, шеи и рогов передана реалистично и пропорционально действительным размерам козерога. Однако задние ноги имеют неестественное соединение с туловищем, непропорционально удлинены (рис.3 - 1). Морда, судя по сохранившейся части линий (изображение головы, в основном, разрушено), значительно утяжелена и схематизирована (у всех животных она изображена одинаково, под прямоугольной формой).

Правее первой фигуры, на том же уровне, мы видим очень схематизированное изображение головы безоарового козла, с правильно переданными саблевидными рогами. Туловище и ноги животного не показаны (рис.3 - 2).

Ниже, в центре сосуда, изображен бегущий горный баран-аргали (архар). Размер этой фигуры в два раза больше первой, что соответствует видовым различиям между козлами и баранами-аргали (Цалкин, 1950, 1951). Пропорции туловища, головы, шеи и рогов переданы правильно. Туловище заштриховано косыми перекрестными линиями. На рогах сделаны поперечные насечки, подчёркивающие неровности рельефа рогов. Центральная и задняя части туловища плохо различимы. Ноги барана имеют неестественное соединение с туловищем, и тем не менее их положение хорошо передает динамику движения животного. Размеры ног пропорциональны туловищу (рис.3 - 3).

Горного барана настигает собака (рис.3 - 10). Фигура вырезана глубокими контрастными, хорошо заметными линиями. Туловище заштриховано вертикальными, наклонными и горизонтальными линиями. Стчетливо показаны торчащие вверх уши и длинный хвост. Это тип степной монгольской собаки, которая имеет повсеместное распространение в селениях скотоводов.

Над собакой изображен второй горный баран (рис.3 - 4). Очертания его головы с рогами близки очертаниям головы первого барана, однако туловище изображено в искаженных пропорциях. В нижней части туловища нанесено много беспорядочных линий. Изображение ног отсутствует. Туловище, начиная с головы, покрыто частыми глубокими ямочками. Над спиной первого барана изображено схематическими штрихами дерево (рис.2 - 3).

Ниже и правее второй фигуры барана – незаконченное изображение животного, по размерам близкое горным баранам (рис.3 - 5).

Такое же, частично сохранившееся, изображение туловища животного меньших размеров с коротким хвостом находится в левой нижней части рисунка (рис.3 - 6). Туловище заштриховано перекрестными линиями. Вероятно, это – козел.

За ним, на некотором расстоянии, в центре, в нижней части рисунка, изображены две фигуры сибирских горных козлов (рис.3 - 7, 8). Туловище переднего козла (рис.3 - 7) покрыто глубокими ямками-штрихами, подобно фигуре второго барана (рис.3 - 4), а туловище второго козла заштриховано вертикальными и косыми линиями (рис.3 - 8). Над крупом второго козла выгравировано дерево.

Шестнадцатая замыкает безоаровый козел, рисунок которого, впрочем, очень схематичный, находится в правом нижнем углу рисунка (рис.3 - 9).

Таким образом, перед нами открывается сцена охоты, которую мы нередко наблюдаем на петроглифах Забайкалья (Окладников, Запорожская, 1969), Монголии (Волков, Доржсурэн, 1963), Южной Сибири (Евтихова, 1948; Киселев, 1951), Казахстана и Средней Азии (Шацкий, 1973), т.е. в районах степного скотоводства. Однако, в отличие от петроглифов, где трудно бывает отследить одну сцену изображений от другой, ранние изображения от более поздних деревосовок или накладок, здесь мы видим рисунок одного автора на ограниченной плоскости сосуда, который подтверждает, что многочисленные сцены охоты на горных козлов и баранов, высеченные на скалах, действительно представляют единую композицию, а не случайные нагромождения петроглифов.

Эта находка дополняет наши сведения об охоте племен, входивших в состав хуннского государства. Так, например, в древней летописи сообщается об охоте хунну следующее: "Мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране (сомнительно, должно быть: на коне – В.С.), стреляет из лука птичек и зверьков; а несколько подросши стреляет лисиц и зайцев, и употребляет их в пищу... во время приволья, по обыкновению следя за своим скотом, занимаются полевой охотой..." (Би-

чурин, 1950, с.40). Теперь мы знаем, что кроме полевой охоты (видимо, на тарбаганов), хунну занимались и охотой на горных баранов-аргали и горных беззубовых и сибирских козлов; что среди разнообразных способов охоты распространенной была охота с собакой, другом и помощником скотовода. Кроме того, в горах хунну охотились и на изюбров. Об этом говорит сам материал, из которого сделан сосуд, и довольно частые находки в хуннских могилах различных костяных изделий из рога изюбра.

Необходимо, однако, отметить, что, судя по письменным источникам, к горной охоте в эпоху металла скотоводы Центральной Азии были вынуждены прибегать лишившись скота во время стихийных бедствий, военного нападения, или во время военных походов. Так, например, в надписи на древнетюркской стеле в окрестностях г. Налайха сообщается, что когда тюрки начали борьбу за свое освобождение из-под ига Китая, им пришлось, скрываясь в песках и горах, собирая силы, на первых порах питаться оленями и зайцами, т.е. промышляя охотой (Малов, 1951, с.65). Таких известий в письменных памятниках I тыс. н.э. можно встретить немало.

Нашему гравированному рисунку из Тариатской хуннской могилы на р. Толе пока нет прямых аналогий (Соном-Цэрэн, 1971; Руденко, 1962). Это единственный в своем роде уникальный образец степного искусства кочевников. Однако некоторые косвенные признаки говорят за то, что видимо, такие образцы хуннского искусства будут найдены при дальнейших исследованиях многочисленных еще не изученных памятников хунну на территории Монголии и Забайкалья. Так, например, А.В. Давыдовой (1960, с.156-158, рис. II - 4) на Иволгинском городище был найден фрагмент лицевой части подобного изделия из рога изюбра, на котором сохранились остатки изображения двух животных: олена и животного кошачьей породы с мягко подвернутыми лапами и полосатой шкурой. По мнению А.В. Давыдовой, манера изображения животных напоминает стиль узоров на ковре из Ноин-Ула. Можно найти параллели к данному изображению и в находках С.И. Руденко (1960, рис. 21 и др.) в курганах скифского времени Центрального Алтая. Ю.Д. Талько-Гринцевич в 1901 г. при раскопках могиль № 16 в Дэрестуйском Култуке обнаружил золотую пластину с изображением сцены нападения грифа на гор-

ного барана (Талько-Гринцевич, 1902, с.40; Руденко, 1962, с.79). Манера изображения головы и задней, как бы вывернутой, ноги такая же как на нашем рисунке (3 - 3). Еще более близким к нему является изображение горного барана на крышки саркофага - колоды из Второго Башадарского кургана (Руденко, 1960, с.51, рис.26; с.44, рис.21). Гравированное изображение лошади на костяной пластине найдено в Монголии (Соном-Цэрэн, 1971, с.43-44, рис. II), а резное изображение головы лосихи на пластине из глинистого сланца - в Забайкалье (Давыдова, Миняев, 1975, с.198-199). Уже эти немногочисленные образцы данного жанра искусства хунну свидетельствуют о его глубокой самобытности и тесной связи с более ранним так называемым скифо-сибирским звериным стилем.

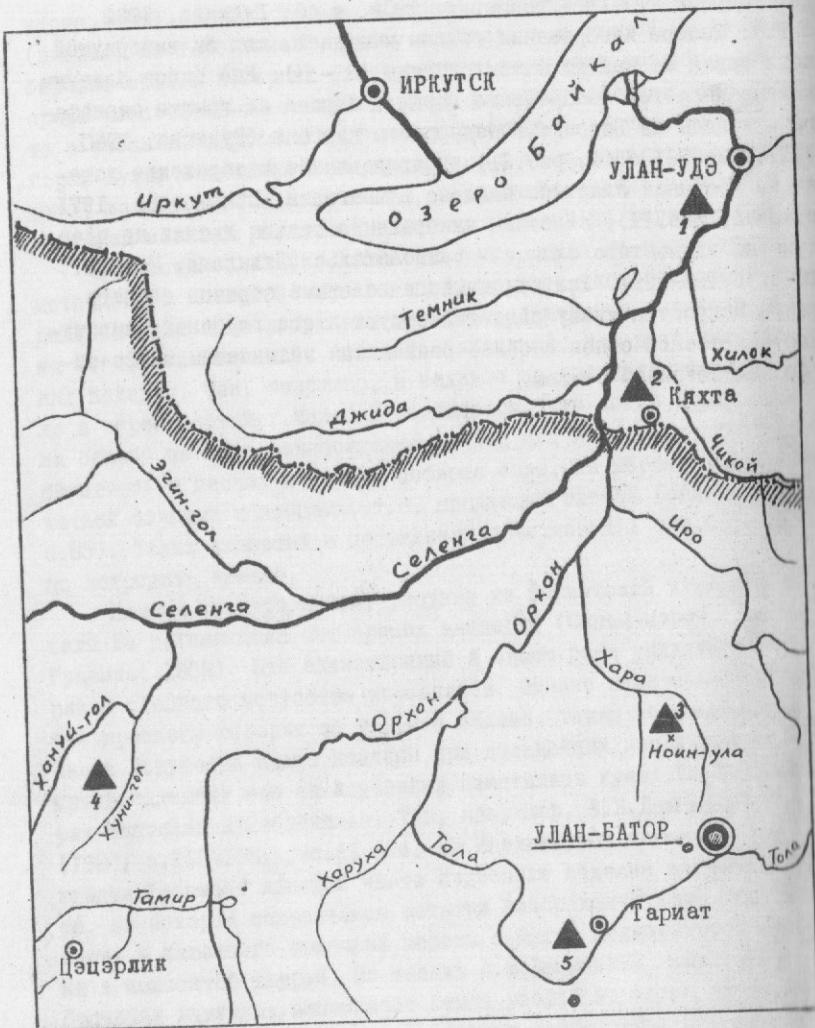

Рис.1. Карта хуннских памятников в бассейне р.Селенги:
1 - Иволгинское городище и могильник; 2 - Кяхтинская группа
могильников; 3 - Могильники в горах Ноин-ула; 4 - Могильни-
ки на р.Хуни-гол; 5 - Тариатский могильник

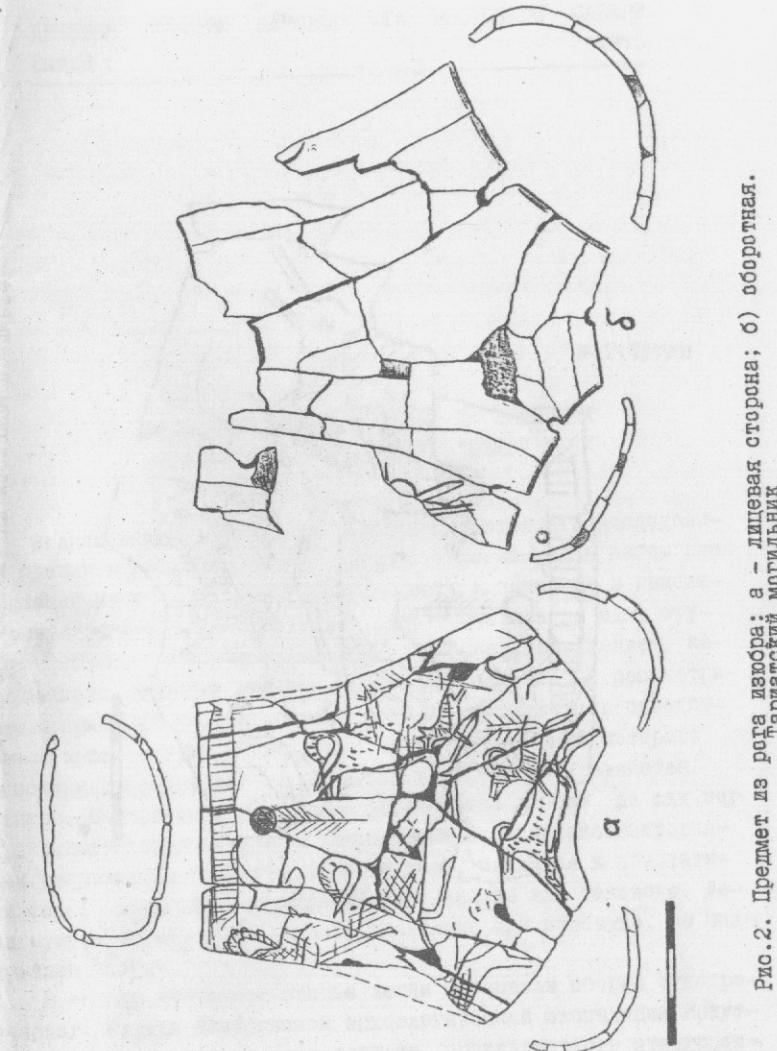

Рис.2. Предмет из рога изобра: а - лицевая сторона; б) оборотная.
Тариятской могильник

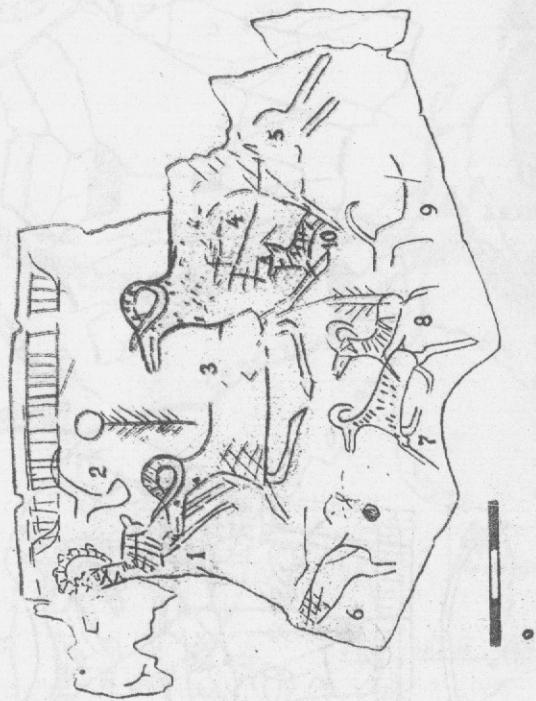

Рис. 3. Развертка рисунка на костяном предмете из Таймырского могильника

М. Г. Турев

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ
ЭВЕНКИЙСКОГО ЛАБАЗА - "НОКУ"

Эвенкийский лабаз избран объектом настоящего исследования прежде всего потому, что, судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, он по своему месту и значению в генезисе эвенкийского общества, может быть поставлен на одну ступень с таким характерным для данного этноса сооружением, каким является эвенкийский чум. Иными словами, лабаз рассматривается нами как необходимейший элемент комплекса производственной архитектуры, в теснейшей связи с эволюцией которого происходило становление и развитие комплексного хозяйства эвенков. Изученность вопроса о эвенкийском лабазе до сих пор характеризуется лишь немногочисленными и несистематизированными сведениями, которые, по сути дела, сводятся к констатации факта существования эвенкийского лабаза как такового. Детальному изучению этот вопрос, насколько нам известно, не подвергался вообще.¹

В основу настоящей статьи легли материалы сборов этнографического отряда Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета, производившего этнографические изыскания в нескольких зимних и весенне-летних эвенкий-

1. Обобщенные сведения об эвенкийском лабазе см. в работе Г. М. Василевич (1969).